

Современные мифоборцы

Анна Ахматова: «разоблачение» пятьдесят лет спустя

«Докучным евнухом ты бродишь
между муз.»
Пушкин

В 1996 году исполнилось 50 лет постановлению ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» — постановлению, которое послужило сигналом к многолетней травле Ахматовой и Зощенко.

Видимо, желая это «постановление» вспомнить, петербургский «независимый» (как он сам себя рекомендует) журнал «Звезда» опубликовал статью известного филолога Александра Жолковского «Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя» («Звезда», 1996, №9).

Читатели могли ожидать что им сообщат что-либо новое об Ахматовой, о ее месте в современной литературе. Ведь прошло столетие. И какие перемены произошли, какие литературные кумиры были свергнуты!

Начинает А.Жолковский с замечания, что «Ахматова, в худшие годы окруженная лишь небольшим кругом почитателей, вышла победительницей из исторического противостояния с советской властью». Казалось бы, все хорошо, хоть «окруженная кругом» — не стилистический шедевр, но не будем излишне придираться. Далее можно было ждать от опытного филолога анализа этого «исторического противостояния», объяснения характера человека и мужества поэта. А.Жолковского эта победа Ахматовой не радует. У него есть серьезные опасения. Он бьет тревогу: «Полнота победы, одержанной Ахматовой, делает наконец этически допустимой, а опасность культового мышления — своевременной постановку вопроса о психологической, социальной и культурной подоплеке той технологии власти, которую Ахматова в определенном смысле разделяла с режимом».

Фраза нарочито закончена, но не ясно, что Ахматова «разделяла» с режимом — «власть» или ее (власти) «технологии»? Кстати сказать, «технология власти» — понятие очень туманное, и потому не станем допытываться его смысла.

Статья А.Жолковского вызвала резкую отповедь известного филолога-итальяниста А.Горфункеля («Звезда», 1997, №4). Там же помещен ответ Жолковского, в котором он разъясняет, какую «технология власти» разделяла с режимом Ахматова:

«Грубо говоря, я пытаюсь из поклонения российской публики, в том числе ин-

теллигентной, ахматовскому королевствованию, его современным формам и силе вообще вывести опасность реставрации монархии или квазисоветского режима сильной руки (не знаю, какое из зол было бы меньшим)».

Ясно. Жолковский бьет тревогу: если не разрушить то, что он называет «ахматовским мифом», то в России произойдет «реставрация монархии». Очевидно, что почитатели Ахматовой стройными рядами пойдут на Кремль и посадят на трон кого-либо из претендентов. Пугающая перспектива!

Жолковский не голословен. В его распоряжении большой запас доказательств. Он знает, какую «технология власти» разработала (при жизни, конечно) Ахматова:

А.Е. Коноплев. Фонтанный дом.

«Будучи исключительно сильной личностью, но оперируя целым репертуаром «слабых» поз, она культивировала вокруг себя атмосферу тайны и поклонения со стороны «своих», на которых возлагала все возможные функции — от помощи в бытовых вопросах до хранения, редактирования и даже фиксации ее текстов, которые она с утрированной конспиративностью жертвы не доверяла бумаге».

Не правда ли, какой тонкий, филологизированный подход: если «конспиративность» была «утрированной», то есть преувеличенной, чрезмерной, то, значит, опасности не было, и скрывать «Реквием» не было никакой необходимости?

Жолковский извлекает из воспоминаний современников слова «робость», «страх», «трепет», «оцепенение», в которых они передают свои впечатления о первом приходе к Ахматовой, и победоносно заключает: «...в сущности, очень похоже на то, как чувствовали себя на приеме у Сталина».

И ведь в самом деле, те, кто был допущен к Сталину, испытывали и «страх», и «робость» — да только содержание этих чувств у них было другое, и чего они могли бояться, чего «робели», понятно каждому, даже не высокообразованному фи-

лологу. Неужели неизвестно Жолковскому, что первое знакомство со Львом Николаевичем Толстым порождает сходные чувства. Об этом вспоминает Илья Репин, побывавший у Толстого в 1891 году:

«При нем, как заипнотизированный, я мог только подчиняться его воле. В его присутствии всякое положение, высказанное им, казалось мне беспспорным».

А ведь в это время Репин был не робким юношей, а известным, прославленным художником!

Так в чем же «историческое противостояние», по мнению авторитетного в этих делах автора?

Да не было никакого «противостояния», а было то, что он находит в «жизненном тексте, зафиксированном в воспоминаниях современников», где «за медальным, «дантовским» профилем великой поэтессы, пророчицы, героини сопротивления, прекрасной статуи обнаруживается мучительная и не всегда привлекательная игра страха, высокомерия, актерства, садомазохизма, властолюбия».

Читатель ждет доказательств? Пожалуй. В его статье с удивительным трудом собраны воспоминания современников о том, что присутствие Ахматовой «сковывало», что она часто «раздражалась», обижала и обижалась. Из трехтомных воспоминаний-записей Лидии Чуковской Жолковский извлек только эпизод о ссоре, повод к которой сейчас известен.

Все это, да еще и многое другое, о чем с удовольствием упоминает Жолковский, им не выдуманно, все это было. Но, может быть, не следует только на этих рассказах о «страхе», «робости», «ссорах» строить социокультурную концепцию. Может быть, лучше вспомнить предупредительные слова Пушкина, который предвидел такого рода посмертные разоблачения. Он писал Вяземскому по поводу гибели «Записок» Байрона: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мученьях великой души, видели в гробе посреди воскрешающей Греции. Охота тебе видеть его на суде. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. «Он мал, как мы, он мерзок, как мы». Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы, — иначе».

Социокультурная концепция Жолковского в «Звезде» не одинока. Ей предшествовала статья Бориса Парамонова («Звезда», 1996, №2), где откровенно и с удовольствием высказана полная солидарность со знаменитым постановлением. Б.Парамонов в статье «От Зощенко к Жюганову» говорит, не стыдясь: «Я решаюсь сказать, что в каком-то отношении Жданов был прав. В выступлении Жданова против Зощенко был определенный смысл. (...) Это может показаться чудовищным парадоксом, но выступление Жданова против Зощенко действительно было выступлением в защиту культуры».

Сопоставив обе прождановские публикации в «Звезде», можно посоветовать журналу не довольствоваться осторожными пересказами постановления, а печатать его в каждом номере журнала целиком в назидаение новым поколениям читателей, а если не хватает места, то хоть через номер. И Жданову на том свете будет приятно.

А тем читателям журнала, которых может стошнить от холуйского апофеоза Жданова, хочу привести в утешение недавно опубликованное в той же «Звезде» слова о Сталине, может быть, еще памятного писателя: «Когда-то Эмиль Казакевич говаривал: «Понимаешь, самое главное — пережить эту сволочь, и мы это сделаем». Вспоминая это, Д.Данин от себя заключает: «И мы это сделали».

Но не всем это нравится. Может быть, поэтому сейчас появилась целая школа, которая себя называет разрушителями «мифов». Так, разоблачив миф о Павлике Морозове, Ю.Дружников с не меньшим жаром разоблачает трифоновский «миф», существующий в его собственном воображении.

И как много развелось сейчас этих докучливых фантазеров. Неужели нет более достойного занятия?

ИЛЬЯ СЕРМАН

Париж